УДК 94(47).084.6

Н. М. Корнева, М. Ю. Крапивин

Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март–август 1929 г.)

Архив Св. Синода был выделен в отдельную структурную единицу в 1738 г. В 1839 г. он получил статус самостоятельного учреждения при Св. Синоде.

Декретом от 1 июня 1918 г. архивы высших и центральных учреждений и ведомств, упраздненных революцией, образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Фонд был разделен по тематическому принципу на секции, а секции, в свою очередь, на отделения, что означало их административное подчинение (но без топографического объединения хранилищ). Архив бывшего Св. Синода вошел в состав 2-го Петроградского отделения IV секции (с 1923 г. — Историко-культурной секции) ЕГАФ. Управляющим 2-го отделения был назначен К. Я. Здравомыслов[1], его помощником (в качестве зав. отделом 2-го отделения) — Н. В. Туберозов[2].

[1] Здравомыслов Константин Яковлевич (1863–1933(?)). Сын священника. Дворянин, действительный статский советник (1911 г.). В 1887 г. окончил (со степенью кандидата богословия) СПб Духовную академию (далее — СПбДА), в 1891 г. — Археологический ин-т в СПб. Начиная с 1889 г. служил в архиве Св. Синода (с января 1896 г. — в качестве архивариуса). 14 сентября 1903 г. был назначен начальником Архива и Библиотеки Св. Синода (Российский государственный исторический архив — РГИА. Ф. 797. Оп. 73. Стол 1. 1-е отд. Д. 133а; Ф. 814. Оп. 1. Д. 112. Л. 9, 149–171; Ф. 6900. Оп. 1. Д. 693; Оп. 10. Д. 13. Л. 103 об.; Оп. 22. Д. 91. Л. 6).

[2] Туберозов Николай Васильевич (1872–?). Сын священника. Коллежский советник. Окончил СПбДА (со степенью кандидата богословия), несколько курсов СПб Императорского ун-та (по юридическому фак-ту), в 1897 г. — Археологический ин-т в СПб. С января 1896 г.

В структуру 1-го Петроградского отделения IV Секции ЕГАФ был включен (на правах V отдела) архив бывшего Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел[3]. Заведование им с августа 1918 г. было поручено С. А. Аннинскому[4].

Ликвидация секционного строения ЕГАФ произошла в 1925 г. Согласно положению о ЕГАФ, утвержденному Коллегией Центрархива[5] 3 февраля 1925 г., отныне весь архивный фонд РСФСР был разделен на документы дореволюционного периода, которые должны были храниться в исторических архивах (центральных, в Москве и Ленинграде, и местных), и документы пореволюционного–советского периодов (с 1 марта 1917 г.), которые подлежали хранению в архивах Октябрьской революции (опять-таки центральных и местных).

В мае 1925 г. на базе местных отделений секций ЕГАФ был образован ЛЦИА — Ленинградский центральный исторический архив[6] (с 23 марта 1929 г. — Ленинградское отделение Центрального исторического архива РСФСР[7]).

служил в Архиве и Библиотеке Св. Синода, сначала в качестве помощника архивариуса, затем, с января 1908 г., на должности архивариуса. По сведениям на 5 марта 1924 г. — заведующий отделом 2-го Отделения Историко-культурной секции ЕГАФ (Ленинградского отделения Центрархива). Был уволен 1 июня 1926 г. с должности старшего архивиста «по сокращению штата». С 1926 г. — архивариус Областкома Союза химиков (РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 111. Л. 8–10, 18, 34 — 35 об., 39; Д. 124. Л. 181; Ф. 6900. Оп. 1. Д. 869. Л. 2–3; Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ по СПб и ЛО). Д. П-29558: в 1 т. [Следственное дело № 736 по обвинению гр.гр. Здравомыслова К. Я. и Туберозова Н. В. в совершении ими преступлений, предусмотренных ст.ст. 58 п. 11 и 78 ч. II У.К. (13 марта 1929 г. — 17 августа 1929 г.). 212 л.]. Л. 116 — 116 об.).

[3] РГИА. Ф. Архив архива. Оп. 3. Д. 29. Л. 3.

[4] Аннинский Сергей Александрович (1891–1942/1943). В 1913 г. окончил СПб Историко-Филологический ин-т (впоследствии — Ленинградский ин-т философии, литературы и лингвистики). С 15 июля 1918 г. — помощник архивиста (с октября 1918 г. — архивист) 1-го Пг. отделения IV Секции ЕГАФ. С 15 августа 1918 г. — и. о. зав. б. Архивом ДДДИИ МВД. С сентября 1919 г. — заведующий V отделом 1-го отделения IV секции. По сведениям на 4 марта 1924 г. — зав. отделом 1-го отделения Историко-культурной секции ЕГАФ (Ленинградского отделения Центрархива). С 1925 г. — ст. архивист 1-го отделения Историко-культурной секции. С января 1926 г. — старший инспектор ЛЦИА (состоял в должности инспектора до 1 января 1930 г.) (РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 621. Л. 18, 73; Д. 625; Оп. 21. Д. 71. Л. 12 — 12 об.; Ф. Архив архива. Оп. 3. Д. 29. Л. 1 — 4 об., 5–6, 9, 11 — 11 об., 16, 19).

[5] Первый общероссийский орган управления архивной отраслью, Главное управление архивным делом (ГУАД; Главархив), начал функционировать 15 июня 1918 г. в ведении Наркомпроса РСФСР в Петрограде. Тогда же было создано Московское областное управление УАД, на базе которого 13 ноября 1918 г., после переезда Советского правительства в Москву, сформировалась коллегия ГУАД Наркомпроса РСФСР. В северной столице 19 июля 1918 г. было образовано Петроградское отделение ГУАД. 26 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление о переводе Главархива из Наркомпроса в ведение ВЦИК и переименовании его в Центральный архив (Центрархив) РСФСР.

[6] Петроградские / Ленинградские отделения секций ЕГАФ в конечном итоге трансформировались в отделы ЛЦИА.

[7] В январе 1929 г. Центрархив был преобразован в Центральное архивное управление (ЦАУ) РСФСР, состоявшее, как и ранее, при ВЦИК и непосредственно подчинявшееся Президиуму ВЦИК. Согласно утвержденному в январе 1929 г. «Положению об Архивном

В 1925–1927 гг. в северной столице была осуществлена концентрация архивных материалов (первоначально размещавшихся более чем в 30 хранилищах, разбросанных по всему городу)[8]. В результате документы по истории «народного хозяйства, культуры, быта и права» были в основном размещены в зданиях Сената и Синода. Сюда же «переехали» и материалы бывшего ДДДИИ МВД, переданные (в июне–июле 1925 г.) в ведение К. Я. Здравомыслова[9].

* * *

Как известно, в среде петроградских архивистов после октября 1917 г. не раз проводились чистки по политическим мотивам. Так, весной 1921 г. на места было разослано обязательное постановление Коллегии Главархива от 26 февраля 1921 г. (делопроизводственный № 891/23 за подписью помощника зав. Главархивом В. Н. Сторожева), в котором, в частности, говорилось: «Ввиду того, что декрет от 21 января определенно воспрещает служителям культа занимать должности в Наробразах, признать недопустимым оставление на службе служителей каких-либо культов. В случае действительной незаменимости сотрудников, подлежащих увольнению согласно декрета от 21 января, заведующие Губархивами обязаны представить в Коллегию подробные мотивированные сведения об этих сотрудниках с указанием их образовательного ценза, научного архивного стажа, характера работ, выполняемых ими в архиве и т. д.»[10] В результате в середине 1921 г. во 2-м Петроградском отделении IV секции ЕГАФ лишились работы: помощник редактора (бывший проф. СПб Духовной академии[11], магистр богословия, протоиерей) Василий Максимович Верюжский;

Управлении РСФСР», совокупность центральных архивохранилищ, в которых были сосредоточены материалы дореволюционного периода, образовывали Центральный исторический архив РСФСР с двумя отделениями, Московским (МОЦИА) и Ленинградским (ЛОЦИА — переименование состоялось 23 марта 1929 г.). Впрочем, превращение Ленинградского архива из самостоятельного учреждения в филиал не повлекло никаких существенных изменений ни в составе фондов, ни в структуре архивохранилищ и отделов.

[8] Весной 1924 г. произошло перераспределение и размежевание фондов между Ленинградским губернским архивным бюро и Ленинградским отделением Центрархива (бывшим Петроградским отделением Главархива). Согласно постановлению объединенного заседания представителей Ленгубисполкома, ЛГАБ и ЛО Центрархива от 5 марта 1924 г., к ве́дению Ленинградского отделения отошли все дореволюционные фонды центральных государственных учреждений Российской империи (а первое время также и сбор документов действующих советских организаций республиканского и союзного подчинения), а к губернскому бюро — весь комплекс документов учреждений губернского уровня как дореволюционного, так и советского периодов. Среди прочих архивных дел в Губархив были переданы и делопроизводственные материалы СПб-Пг Духовной консистории, находившиеся со времени ее закрытия (1919 г.) во 2-м отделении IV секции ЕГАФ.

[9] С осени 1925 г. К. Я. Здравомыслов — старший архивист.

[10] РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 446 (О служителях религиозных культов сотрудниках ПО (Петроградского отделения) Главархива. Январь–июль 1921 г.). Л. 16 — 16 об.

[11] В 1919–1922 гг. во 2-м отделении работали многие профессора Пг Духовной академии (после ее закрытия): И. Г. Айвазов, А. И. Бриллиантов, А. А. Бронзов, В. М. Верюжский, Н. Н. Глубоковский, И. А. Карабинов, Б. В. Титлинов и др.

старший архивист (бывший проф. СПб Духовной академии, магистр богословия, протоиерей) Петр Иванович Лепорский; старший архивист (протоиерей) Ксенофонт Павлович Виноградов; старший архивист (священник) Афанасий Федорович Образский; старший архивист (протоиерей) Николай Васильевич Миловидов; старший архивист (возможно, протоиерей) Федор Дмитриевич Филоненко; архивист (возможно, протоиерей) Дорофей Филофеевич Ярушевич; архивариус 2-го разряда (возможно, протоиерей) Николай Федорович Платонов[12].

Однако Туберозова и Здравомыслова в силу их высокой квалификации заменить в архиве бывшего Св. Синода, судя по всему, было некем, и они продолжали оставаться на своих местах: первый — до июня 1926 г. (был уволен по сокращению штатов), второй — до октября 1929 г. (за год до этого, в октябре 1928 г., Здравомыслова отстранили от руководства архивом бывшего Св. Синода[13], после того как 1-й и 2-й Историко-культурный отделы ЛЦИА, бывшие в свое время 1-м и 2-м Отделениями Историко-культурной секции ЕГАФ, были объединены в один отдел[14], переподчиненный А. С. Николаеву[15]).

Зимой 1928/1929 г. в ленинградской печати появилось сообщение о неожиданном обнаружении в помещениях Ленинградского губернского архивного бюро нескольких «папских булл» из состава фонда ДДДИИ МВД, которые с лета 1925 г. должны были находиться (вместе с фондом) в архивохранилище ЛЦИА в историческом здании Синода. При сверке наличия булл было зафиксировано отсутствие 73 документов из 99, что было поставлено руководством ЛЦИА в вину Здравомыслову лично («оставление на месте или пропажа»)[16].

В начале 1929 г. в органы ОГПУ поступает информация, что «бывший Синодальный Архив разворовывается и расхищаемые материалы распродаются»[17].

---

[12] РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 446. Л. 17 — 18 об., 21 — 21 об.

[13] По сведениям на 13 марта 1929 г., Здравомыслов — «архивист» Историко-культурного отдела ЛЦИА (ЛОЦИА).

[14] РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71 [Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Злоупотребления с архивными материалами (20 ноября 1928 г. — 13 марта 1929 г.). 26 л.]. Л. 1а, 2 — 2 об.

[15] Николаев Александр Сергеевич (1877 — после 1934). Выпускник СПб Императорского ун-та. С 1902 г. сотрудник, с 1916 г. — нач. Архива М-ва народного просвещения. С 1 июня 1918 г. — Управляющий 1-м Пг отделением IV секции ЕГАФ, председатель совещания управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ. С октября 1928 г. Николаеву был переподчинен и бывший Синодальный архив. По сведениям на февраль–март 1929 г. — архивист ЛЦИА (ЛОЦИА), позднее — старший архивист. Уволился из штата ЛОЦИА с 12 января 1931 г. по собственному желанию (РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 789. Оп. 11. Д. 3. Л. 3).

[16] РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 12 — 13 об.; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 4 — 4 об.

[17] 5 мая 1925 г. «Комиссия по проведению Отделения Церкви от Государства при ЦК РКП(б)» (АРК) поручила ОГПУ (прот. № 66, п. 3) «командировать в Ленинград соответствующих товарищей для просмотра» Синодального архива «и извлечения из него нужных материалов». 27 июня 1925 г. АРК дала указание (прот. б/ № , п. 3) Агитпропу

Среди прочего, становится известно, что бывший сотрудник 2-го отделения М. Ф. Паозерский[18] обратился в Центральный совет союза безбожников (ЦССБ) с предложением купить у него документальные материалы по истории Русской церкви на сумму 800 руб. В ходе обыска у него на квартире, проведенного чекистами 5 марта 1929 г., были обнаружены копии писем архиеп. Антония (Храповицкого) к митр. Флавиану (Городецкому)[19], подлинники которых Паозерским уже были проданы ЦССБ за 80 руб.[20]

В этих условиях коллегия Центрархива поручила своим сотрудникам «произвести негласное наблюдение» за архивом бывшего Св. Синода. В результате проверяющие пришли к выводу, что Здравомыслов, получив «секретный фонд Синода» «в полное безконтрольное владение», использовал свое служебное положение, «дабы принести ущерб Советской Власти в деле борьбы <...> с контрреволюционной церковью». Для этого он «всячески утаивал»

ЦК, ВЦИК, ОГПУ ввести своих сотрудников в состав специально сформированной Центрархивом РСФСР Комиссии, призванной осуществить «силами партийцев» разборку материалов архива Синода (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 36, 38). Осознавая «значение этого архива, являющегося фактически ценнейшим политическим архивом — архивом религиозной контрреволюции», и открывавшего «Советской власти широкие возможности в деле борьбы за духовное раскрепощение трудящихся», органы ОГПУ отдали распоряжение Ленинградскому отделению Центрархива опечатать «секретный фонд» бывшего Св. Синода, что, однако, сделано (по неизвестным нам причинам) не было (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 206).

[18] Паозерский Михаил Федорович (1866 — после 12 декабря 1930 г.). Происходил из семьи сельского священника. Окончил СПб Духовную семинарию (1887 г. (?)). Обучался в СПбДА, но был исключен из числа студентов. В 1907 (по другим сведениям, в 1908) г. «отказался от священства». После этого зарабатывал на жизнь в качестве журналиста ряда повременных печатных изданий, в частности заведовал отделом хроники в газете «Вечернее время». В первые годы советской власти служил в Отделе снабжения Союза коммун Северной области, а также «в Центральном Жил[ищном] Отд[еле]». С 1 сентября по 11 ноября 1920 г. — зав. «церковным» («ликвидационным») отделением Петроградского губотдела юстиции. По рекомендации Президиума Ленгубисполкома 11 августа 1924 г. поступил на работу в Ленинградское отделение Центрархива в качестве «научного сотрудника» (позднее был переведен на должность старшего архивариуса 2-го отделения Историко-культурной секции ЕГАФ). Однако уже в 1925 г. был уволен по сокращению штатов (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 77. Л. 23, 25а — 26, 28 — 28 об., 40 — 40 об., 42, 48; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-17871: в 1 т. Л. 32 — 32 об.; Д. П-29558. Л. 21–22, 30 — 31 об., 56 — 65 об., 121–126, 205–211; Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 6, 10 — 10 об.; РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 797; Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 714. Л. 60 — 61 об.).

[19] РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 697. — Письма Антония, ректора Казанской духовной академии, затем епископа Волынского, митрополиту Флавиану по разным вопросам духовного ведомства, с соображениями и отзывами о современных политических событиях (о забастовках и демонстрациях, манифесте 17 окт. 1905 г. и др.). 1898–1907 гг. 123 л. Первая заверка относится к 1956 г. (в деле — 69 писем).

[20] Документальных подтверждений «коммерческих начинаний» Паозерского в деле нет (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 205).

от заинтересованных советских органов важные для ведения антирелигиозной агитации архивные документы (бумаги бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова), часть дел о канонизации и обретении мощей), ограничивал к ним доступ, ссылаясь на гриф «секретности», отказывался их предоставлять под предлогом, что «нужных материалов или совсем нет, или они не разобраны», возможно, даже уничтожал некоторые из документов. «Московские товарищи обнаружили отсутствие комплектов “знаменитых Почаевских известий”»[21], которые числились в описях, и произведений «Восторговского Изд-ва “Верность”[22], каковые резко компрометировали церковь и потому представляли известную ценность»[23]. 9 марта 1929 г. Центрархив РСФСР дал указание ЛЦИА установить связь с Полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО) «по вопросу о расследовании факта исчезновения архивных материалов»[24].

7–14 марта 1929 г. силами сотрудников ЛЦИА «была организована неожиданная ревизия секретного фонда Синодального архива» (Канцелярия Синода. Секретные дела)[25]. Поверочная комиссия установила, что: 1) часть документов, значившихся в описях, отсутствует, в том числе 109 из 178 писем архиеп. Антония и 73 из 99 «папских булл», входивших в собрание ДДДИИ МВД; 2) часть материалов, напротив, не занесена в опись, в том числе упомянутый в систематическом указателе дневник бывшего начальника архива Св. Синода Аполлинария Николаевича Львова (1848–1901)[26]; 3) кроме того, в систематическом указателе наличествовали отсылки «на секретный архив Канцелярии Обер-Прокурора Синода, о котором до сих пор не было сведений ни у уполномоченного Центрархива, ни у зав. отделом, ни у Комиссии»[27].

---

[21] Почаевские известия. Почаев (Волынск. губ.). 1906–1909. Ежедн. печатный орган Почаевского отдела Союза Русского народа. Печаталось это издание в типографии Лавры. Редактировали разновременно: архимандрит Виталий (Максименко); иеромонах Илиодор (Труфанов). Взамен «Почаевских известий» выход. прибавление к «Почаевскому листку».

[22] «Верность»: книгоиздательство (Москва, 1906–1913(?)).

[23] АУФСБ РФ по СПб. и ЛО. Л. 205–206.

[24] РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 26.

[25] Там же. Ф. 796. Оп. 205. Канцелярия Синода. Секретные дела. 944 ед. хр.

[26] Дневник Львова был частично опубликован (опущено 160 рукописных страниц) в историческом журнале «Красный архив» («Князья церкви» (Из дневника А. Н. Львова) / Подг. А. К. Дрезена, прим. А. С. Николаева и З. И. Гурской // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 108–148; Т. 3 (40). С. 97–124). В РГИА ныне хранится только дневник А. Н. Львова за 1891–1894 гг. (включительно) (РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 778. Л. 1 — 149 об.). Опубликовано: *Львов Аполлинарий Николаевич*. Дневник // Нестор [СПб.]. 2000. № 1. С. 9–164. В публикации же «Красного архива» есть записи и за 1895, 1896 и 1898 гг.

[27] «Две описи секретного архива канцелярии обер-прокурора Синода; при них записка с характеристикою этого архива» 19–21 марта 1929 г. были обнаружены Николаевым в ящиках письменного стола Здравомыслова (РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 16–19). Топографическое расположение дел этого фонда указал сам Здравомыслов на допросе 27 марта

Из объяснений, данных Здравомысловым членам Комиссии, явствовало, что над так называемым «секретным архивом» в 1903–1929 гг. «вообще не производилось работ в смысле его упорядочения», он «ни разу за этот период не подвергался ревизии, и состава его К. Я. Здравомыслов в точности не знал <...>. Хранился этот архив в запертых, но не опечатанных шкафах, ключ от которых лежал в ящике стола Зав. Архивом Синода <...>. На памяти К. Я. Здравомыслова посторонние исследователи не имели доступа к архиву, но что касается сотрудников архива, дело не вполне ясно: с одной стороны — принципиально архив был недоступен и им, но на практике пользование им было возможно, так как, по словам К. Я. Здравомыслова, во время его отсутствия ключ мог быть взят из стола». Всё вышесказанное свидетельствовало, по мнению членов Комиссии, «в лучшем случае о безответственно халатном отношении Здравомыслова к своим обязанностям <...>. Отнести такое состояние столь важного секретного фонда Синода к неопытности Здравомыслова ни в коем случае нельзя»[28].

Параллельно с архивной «ревизией» чекисты в ночь с 13 на 14 марта арестовали Здравомыслова[29] и Туберозова. При этом на квартире у Здравомыслова был изъят дневник А. Н. Львова, вынесенный им из ЛЦИА.

В ходе продолжавшегося с марта по август 1929 г. следствия сотрудники ОГПУ сосредоточились на двух сюжетных линиях:

1) Положение дел во вверенном Здравомыслову архиве

Сознательное приведение его в «хаотичное» состояние создавало, по мнению чекистов, благоприятные условия для хищений. К. Я. Здравомыслов на допросах в ОГПУ (23, 27 марта и 29 июля 1929 г.) заявил, что «беспорядок» в системе хранения архивных материалов объясняется тем, что «секр. фонд, как не представляющий особого секрета, подлежал распределению по другим фондам». Причины «недостачи» ряда архивных документов Здравомыслов видел в том, что «они были приобщены к другим фондам, но отметки в описях, повидимому, случайно не были проведены»[30]. «Лично сам ни одного из <...> документов я не брал[31], — говорил он, — за исключением дневника Львова, который <...> передан мне в личное пользование сестрою Львова, ныне умершей»[32].

1929 г.: «Секретный архив обер-прокурора находится во 2-м этаже здания, в конце фонда Канц. обер-прокурора. Имеет опись. Разбору после перевозки не подвергался» (АУФСБ РФ по СПб и ЛО Д. П-29558. Л. 93).

[28] РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 10 — 11 об, 14–15; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 2 — 3 об.

[29] 14 октября 1929 г. К. Я. Здравомыслов был уволен из ЛОЦИА как находившийся под арестом более 2-х месяцев.

[30] АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 106–108.

[31] В последующие годы выяснится, что Здравомыслов говорил правду. Все документы, числившиеся пропавшими, будут найдены (кроме писем архиеп. Антония).

[32] АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 88 — 89 об.

Что касается писем архиеп. Антония, то выяснилось, что еще в 1926 г. они были взяты из «секретного фонда Синода» Туберозовым и переданы Паозерскому с целью подготовки совместной научной публикации, «дабы на этом заработать некоторую сумму денег». Паозерский обещал Туберозову вернуть письма, однако обещание не выполнил, продав эти документы ЦССБ за 80 рублей[33].

История с «папскими буллами» оказалась более запутанной и не была прояснена следствием в полной мере. Как явствует из показаний С. А. Аннинского, «буллы и другие документы папской канцелярии» были найдены им в сентябре 1918 г. в кабинете директора ДДДИИ «в связках с иным материалом». В 1919–1920 гг. он составил три небольшие описи соответственно трем архивным фондам. В июне–июле месяце 1925 г. «в связи с планом массовой концентрации фондов» архив ДДДИИ был вывезен из дома № 49 по Екатерингофскому проспекту в здание Синода. В условиях спешки архив передавался Аннинским и принимался Здравомысловым без поверки и составления акта. Руководивший перевозкой Туберозов в ходе следствия настаивал на том, что «в числе перевозимых материалов была только одна папка с буллами, количества не знаю, не просчитывал». В 1926 г. хранилище бывшего ДДДИИ заполнилось материалами Губархива. При оставлении дома Губархивом в 1928 г. («при полной его очистке») была найдена часть булл. «Тотчас же были предприняты поиски булл во 2-м Историко-Культурном Отделе (б[ывшее] 2-е Отделение ИК Секции)», но «не только ничего не удалось найти, а даже и описи оказались отсутствующими». Только в феврале 1929 г. Здравомыслов случайно, по его словам, обнаружил описи, по которым дважды (в феврале и марте) была проведена поверка материалов и установлен факт отсутствия 73 документов (из 99). Т[ак] к[ак] «при перевозке ни одного упакованного места утеряно не было», то «можно думать, что часть материала была где-то забыта в Екатерингофском доме», затем могла попасть «в смесь материалов Губархива», или в макулатуру. «Другое предположение, конечно, не исключающее первого: материал мог

[33] По версии Паозерского (на допросе 13 марта 1929 г.): «В период своей службы в Центрархиве, я, до сокращения, работал над перепиской архиепископа Антония Храповицкого и после своего ухода продолжал эту работу при помощи Туберозова, который приносил мне недостающие письма митр. Антония. После отработки этих писем я вернул их Туберозову, который, насколько мне известно, этих писем не успел вернуть на место, т[ак] к[ак] был сокращен сам» (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 30 — 31 об.).
По свидетельству Туберозова (на допросе 27 марта 1929 г.): «Письма Антония Храповицкого <...> действительно были взяты мною без ведома администрации и в частности Здравомыслова самовольно. Они были заперты в секретном шкафу, ключ от коего находился в письменном столе Здравомыслова. Письменный стол Здравомыслова не закрывался, и я, пользуясь этим, взял оттуда ключ, отпер шкаф и изъял эти документы. Эти документы мною были переданы Паозерскому, каковой в то время уже не служил в архиве, для напечатания в Гос. издательстве. Изъял я эти письма, имея обещание Паозерского вместе издать их и, следовательно, разделить заработок. Обратно он эти документы мне не возвратил, а когда я после моего увольнения зашел к нему, то он обещал возвратить их в архив самостоятельно. Брал я эти документы в 1926 г.» (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 121 — 125 об.).

быть увезен в смеси с какими-либо делами и книгами ДДДИИ [и] затерялся в Синоде»[34]. Хотя вина Здравомыслова и Туберозова в случае с буллами доказана не была, следствие возложило персональную ответственность за пропажу части ценнейших материалов архива ДДДИИ МВД именно на них[35].

2) «Политическое лицо» обвиняемых

Из всех сотрудников, привлеченных ОГПУ в качестве свидетелей, более или менее объективную характеристику руководителям архива бывшего Св. Синода дал (12 июля 1929 г.) только старший архивариус ЛЦИА (состоявший в нем на службе до мая 1926 г.) Б. Н. Жукович[36]: «О К. Я. Здравомыслове и Н. В. Туберозове. <...> Отношение к архивному делу: Хорошо знают это дело и теоретически и практически, как специалисты с многолетним опытом. Отношение к делу было не формальное; относились к нему с интересом, преданностью, любовью»[37].

Опрошенный в ходе следственных действий старший инспектор ЛЦИА С. А. Аннинский аттестовал обвиняемых как «чуждых Советской власти лиц». Особых оснований для подобного оценок у него, впрочем, не было, так как «близкого соприкосновения в процессе работы с ними не имел и поэтому обнаружить внешние признаки открытой контрреволюционной деятельности не мог». Свои выводы он основывал «на прошлом указанных лиц» и их отношении к порученному им делу: «молодых сослуживцев», «выдвинутых Советской Властью», они должны были бы «обучать и приучать к делу, а Здравомыслов в противовес этому старался сознательно не раскрывать перед ними методов работы»[38].

---

[34] РГИА. Ф. Архив архива. Оп. 3. Д. 29. Л. 41–42; Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 12 — 13 об.; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 4 — 4 об., 5 — 6 об., 93 об. — 94, 121 — 125 об.

[35] При очередных проверках наличия «папских булл» в апреле 1940 и июле 1945 г. отсутствующим оказался только 1 (из 99) документ (РГИА. Ф. 821. Оп. 141. Д. 17. Недействующая опись. Л. 2 об. — 3; Оп. 142. Д. 21. Недействующая опись. Л. 2 об. — 4; Оп. 143. Д. 64. Недействующая опись. Л. 7 об. — 9).

[36] Жукович Борис Николаевич (1874–?). Сын священника. Надворный советник (1910 г.). Окончил (со степенью кандидата богословия) СПбДА (1899 г.), СПб Императорский ун-т (в качестве вольнослушателя по Историко-Филологическому ф-ту) и Археологический ин-т в СПб. Начиная с января 1904 г. служил в Архиве и Библиотеке Св. Синода (сначала — сверх штата, а с ноября 1908 г. — в должности помощника архивариуса). С 1918 г. работал (сначала в качестве архивариуса, затем — старшего архивариуса) во 2-м Пг отделении IV секции ЕГАФ. По сведениям на 5 марта 1924 г. — зав. отделом 2-го Отделения Историко-культурной секции ЕГАФ (Ленинградского отделения Центрархива). В мае 1926 г. должность одного из старших архивистов была упразднена, после чего Жукович вынужден был перейти на работу в Губархив (на положении вольнонаемного сотрудника). С ноября 1926 г. был принят в Рукописное отделение БАН (в качестве «временного сотрудника», продолжал состоять в той же должности на момент снятия допроса летом 1929 г.) (РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 110. Л. 12 — 13 об.; Д. 124. Л. 181; Ф. 6900. Оп. 1. Д. 688).

[37] АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 188–192.

[38] Там же. Л. 208.

Руководство ЛЦИА (ЛОЦИА) рассматривало работу Здравомыслова как «сознательный саботаж и вредительство» («злостное укрывательство» политически злободневного документального материала и «сокрытие» важнейших составных частей научно-справочного аппарата архива — картотек, описей и пр.)[39].

Однако главным источником негативной информации о руководителях бывшего архива Св. Синода стали показания Паозерского (на допросе 26 июня 1929 г.): «Отношение Здравомыслова к распоряжениям Соввласти было таково, чтобы не только не оказать ей помощи своей многолетней опытностью, а как-нибудь спихнуть дело с рук, если уж нельзя его испортить. <...> Мне сначала казалось странным, почему Здравомыслов <...> так цепко держится за советскую службу, хотя она видимо и не по душе ему. Но скоро я понял из отрывков разговоров его с сослуживцами и посетителями архива <...> что [он] имеет от кого-то поручение охранять архив "до лучших времен", и особенно скрывать тщательно то, что набрасывает тень на духовенство»[40].

В тексте Обвинительного заключения (от 17 августа 1929 г.), подготовленного сотрудниками Секретного отдела ПП ОГПУ в ЛВО, также акцент делался на политической стороне дела: следствие сочло доказанным, что Здравомыслов и Туберозов использовали доверие, оказанное им советской властью, «во вред таковой», всемерно препятствуя усилению борьбы государства «с духовенством за раскрепощение трудящихся от религиозного дурмана»[41].

20 ноября 1929 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ, руководствуясь статьей УК 58–10, лишило Здравомыслова и Туберозова права проживания в пяти крупнейших городах СССР (Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе) сроком на три года[42]. Паозерский от наказания (предусмотренного статьей 78 ч. II УК) был освобожден по медицинским показаниям (левосторонний паралич). Здравомыслов вернулся в Ленинград в декабре 1932 г., но в силу введения единой паспортной системы вновь вынужден был покинуть северную столицу и выехать на родину, в Боровичи Новгородской области, где и умер в 1933 (?) г. Дальнейшую судьбу Туберозова нам пока проследить не удалось.

References

«Knjaz'ja cerkvi» (Iz dnevnika A. N. L'vova) / Podg. A. K. Drezena, prim. A. S. Nikolaeva, Z. I. Gurskoj // Krasnyj arhiv. 1930. T. 2 (39). S. 108–148; T. 3 (40). S. 97–124.

L'vov Apollinarij Nikolaevich. Dnevnik // Nestor [SPb.]. 2000. № 1. S. 9–164.

Список литературы

«Князья церкви» (Из дневника А. Н. Львова) / Подг. А. К. Дрезена, прим. А. С. Николаева, З. И. Гурской // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 108–148; Т. 3 (40). С. 97–124.

Львов Аполлинарий Николаевич. Дневник // Нестор [СПб.]. 2000. № 1. С. 9–164.

[39] РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 1а.

[40] АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 56 — 65 об.

[41] Там же. Л. 205–211.

[42] Там же. Л. 212.